

УДК 314.7(470.67)
ББК 60.721.25(2Рос.Даг)
Ш 31

М.М. Шахбанова,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала, тел.: +79887733515, e-mail: madina2405@mail.ru

З.М. Муртузова,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Дагестанского государственного технического университета, г. Махачкала, тел.: +79882018190, e-mail: nirvana1509@mail.ru

Р.Д. Шахпазова,

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Дагестанского государственного технического университета, г. Махачкала, тел.: +79285035353, e-mail: ramsiyat.sh@yandex.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

(Рецензирована)

Аннотация. Характерные для современного российского общества миграционные процессы, в зависимости от интенсивности самого процесса, могут иметь различные социальные последствия в форме обострения ситуации в социально-экономической сфере, на рынке труда, в дестабилизации межнациональной ситуации, особенно в полиэтнических и поликонфессиональных территориях. По результатам проведенного авторского исследования установлено, что внутренние мигранты-дагестанцы позитивно характеризуют межнациональную ситуацию на территориях своего нового проживания, при одновременном утверждении наличия в латентной форме межнациональной напряженности. С применением шкалы Богардуса показаны социальная дистанцированность мигрантов и принимающего общества, этническое поведение и ориентации опрошенных дагестанских народов.

Ключевые слова: дагестанские народы, миграция, миграционные процессы, межнациональная стабильность, межнациональные контакты, межнациональный климат, этническое поведение.

M.M. Shakhbanova,

Doctor of Sociology, Leading Researcher of Institute of History, Archeology and Ethnography of Daghestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, ph.: +79887733515, e-mail: madina2405@mail.ru

Z.M. Murtuzova,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of Department of Philosophy, the Daghestan State Technical University, Makhachkala, ph.: +79882018190, e-mail: nirvana1509@mail.ru

R.D. Shakhpazova,

Candidate of Economics, Associate Professor of Department of Management, the Daghestan State Technical University, Makhachkala, ph.: +79285035353, e-mail: ramsiyat.sh@yandex.ru

MIGRATION PROCESSES IN DAGHESTAN MODERN SOCIETY: STATE AND TENDENCIES

Abstract. Migration processes, characteristic of Russian modern society, depending on intensity of the process, can have various social consequences in the form of aggravation of a situation in the social and economic sphere, in labor market and in destabilization of an international situation, especially in multiethnic and polyconfessional territories. The results of this research allowed the authors to establish that internal Dagestani migrants positively characterize an international situation in territories of the new accommodation, simultaneously approving of existence in a latent form of international tension. The authors use a scale of Bogardus to show the social distancing of migrants and the accepting society, ethnic behavior and orientations of the interviewed Dagestan people.

Keywords: Dagestan people, migration, migration processes, international stability, international contacts, international climate, ethnic behavior.

Приток внутренних мигрантов обусловлен состоянием межнациональных отношений, кризисной социально-экономической ситуацией, спецификой ее проявления и влияния на многообразные социальные и этнические слои населения. Поэтому современная проблемная ситуация в сфере межэтнического взаимодействия в российском обществе, назревшая глобальная потребность в достижении конструктивного диалога разных этнокультур и этнических общностей порождают актуальность рассмотрения социокультурной адаптации национальных, прежде всего мигрантских, групп, оказавшихся в иной, «чуждой» им этнокультурной среде [1; 117].

Характеризуя протекающие в Дагестане социально-экономические процессы, можно отметить, что они в целом совпадают с общероссийскими: наблюдается снижение уровня производства, при высоком уровне приватизации собственности в промышленности и сфере обслуживания они демонстрируют довольно низкую эффективность работы. Также имеет место низкий уровень денежных доходов населения, замедляющийся темп изменения внутреннего рынка товаров и услуг, а развитие мелкого частного предпринимательства в настоящее время уже не рассматривается специалистами в качестве значительного

запаса занятости не только мигрантов, но и коренного населения.

Наличие в современном российском обществе скрытой безработицы обуславливает неблагоприятную ситуацию для вынужденных переселенцев и беженцев на рынке труда, поскольку их профессиональный состав близок к профессиональному составу местных кадров. Несмотря на достаточно высокий уровень развитости в недалеком прошлом сельского хозяйства в Дагестане, в настоящее время республика не располагает возможностями для полноценного развития фермерства, в среде которого могла бы найти работу часть переселенцев. Это связано не столько с особенностями структуры сельского хозяйства, сколько с отсутствием необходимых ресурсов для организации инфраструктуры по обслуживанию фермерства, впрочем как и с проблемой сбыта сельхозпродукции из-за слабого развития внутренних рынков.

Таким образом, можно сказать, что в настоящее время актуализировано исследование роли и места мигрантов в современном дагестанском обществе, отражение миграционных процессов на сохранение стабильности в межнациональной сфере, степень адаптации их на новых территориях проживания, характер межнациональных взаимоотношений мигрантов с местным населением, этническое самочувствие и

поведение переселенцев. По мнению В. Зорина, игнорирование локальных межэтнических конфликтов может привести к возникновению устойчивых очагов социальной напряженности [2; 26].

Социологическое исследование по изучению миграционных процессов и самочувствия внутренних мигрантов в Дагестане проведено в 2017 г. в гг. Махачкала, Дербент, Хасавюрт, Каспийск, Казбековском, Каякентском, Кизилюртовском, Кизлярском и Новолакском районах, п. Ленинкент. Доля местного населения – 482, доля внутренних мигрантов-дагестанцев – 496 (объем выборочной совокупности N – 978).

Отечественные исследователи отмечают, что в целом уровень национальной безопасности государства соответствует уровню безопасности каждого конкретно взятого региона [3; 86, 4, 5]. Существование угрозы в любом субъекте закономерно формирует угрозу для целостности страны, а следовательно – и для национальной безопасности. Одним из факторов ухудшения состояния в межнациональной сфере, угрозой для общественной стабильности является неконтролируемый миграционный поток, который очень часто провоцирует межэтническое противостояние и напряженность между представителями разных этнических общностей. Иными словами, основными причинами дестабилизации ситуации в современном российском обществе являются неконтролируемая миграция, социально-экономическая депрессия при отсутствии понятной, соответственно – и эффективной, национальной политики.

В советский период в Дагестане наблюдалась реализация государственной переселенческой политики, направленной на решение ряда социально-экономических проблем. В постсоветский период внутренние миграционные процессы приобрели неконтролируемый характер, и такая ситуация по-прежнему

сохраняется. Росту миграционной активности дагестанцев способствовал тип хозяйствования населения Дагестана. Так, жители горных районов республики в основном были заняты в сельском хозяйстве и занимались тяжелым физическим трудом, при очень слабо развитой инфраструктуре, низком качестве медицинской помощи и т.д. Поэтому миграционные процессы в Дагестане шли непрерывно. Их интенсивность заметно выросла с кардинальными преобразованиями конца XX в. Иными словами, в поисках лучшей доли население (большая часть горных районов республики) устремилось в города или ближе к городам по целому ряду причин. Среди них следует отметить изменение хозяйственной деятельности – переход государства на рыночные рельсы экономики, укрупнение производства, развал сложившегося в советский период экономического уклада, например, в том же аграрном секторе республики. Колхозы и совхозы были либо упразднены, либо преобразованы в фермерские хозяйства. Кроме того, в постсоветский период изменился и образ жизни самих людей: если в советское время горожане находились в относительно благоприятных условиях по сравнению с сельским населением, то изменение экономического уклада, появление мелкого предпринимательства, рынков и т.д. способствовали изменению социального статуса людей. Так, человек, ранее занятый в производственном секторе, оказался в торговле, занимаясь челночным бизнесом, или в качестве продавца на торговой точке. Также в постсоветский период можно было фиксировать увеличение доли переезда населения из горных районов в прикутанные хозяйства, ибо категория населения, представляющая аграрный сектор, ориентированная на улучшение материального положения своей семьи, по-прежнему хотела заниматься сельским хозяйством, но уже на территориях, более

приспособленных для его эффективного ведения.

Таким образом, в постсоветский период в Дагестане наблюдается усиление как внутренних, так и внешних миграционных процессов, последствием чего является ухудшение межнациональной обстановки и межэтнического климата на территориях переселения мигрантов и принимающего общества. С целью выявления происходящих в межнациональной сфере процессов авторами и было проведено социологическое исследование.

В рамках данного исследования важными являются оценка состояния межнациональной ситуации, этническое самочувствие и этническое поведение внутренних мигрантов-дагестанцев на новых территориях проживания. В этой связи респондентам был задан следующий вопрос: «Как Вы охарактеризовали бы межнациональные отношения на новой территории своего проживания?». Полученные результаты нашего исследования показывают, что 76,9% внутренних переселенцев-дагестанцев позитивно оценивают межнациональную ситуацию на новой территории своего проживания. Вместе с тем, 16,4% респондентов отмечают наличие в латентной форме межнациональной напряженности, и доля таковых заметно больше среди русского населения (50,0%), по сравнению с другими этническими подгруппами (25,0% лезгин, по 17,4% – аварцев и кумыков, 14,3% табасаранцев, 12,7% даргинцев), характеризующими межнациональные отношения как внешне спокойные при существующем внутреннем напряжении. Незначительная доля опрошенных дагестанцев-мигрантов характеризуют межнациональные отношения на новой территории своего проживания как «напряженные, на грани открытых столкновений» (0,8%). Результаты исследования по сельской и городской местности показывают, что 75,5% сельчан и 77,5% горожан

определяют «отношения как спокойные и доброжелательные». Наличие определенных проблем в межэтнической сфере с формулировкой «отношения внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует» констатируют 17,3% сельского и 16,1% городского населения.

Не менее важным при исследовании этнического самочувствия внутренних мигрантов является их ориентированность на вступление в социальное взаимодействие с представителями инонациональной принадлежности в разных сферах жизнедеятельности. Для выявления существующих в массовом сознании дагестанских народов установок была применена шкала Богардуса, включающая 7 различных позиций. Так, в ответах на вопрос «Готовы ли Вы принять человека другой национальной принадлежности в качестве...?» можно заметить, что позиции внутренних мигрантов-дагестанцев заметно отличаются от позиций местного населения: по каждому из параметров можно увидеть разницу, где-то большую, где-то меньшую: так 52,6% мигрантов готовы заключить межнациональный брак против 48,5% местного населения; против межэтнического брака выступает каждый третий опрошенный среди мигрантов и каждый второй среди местного населения; в качестве партнера в совместном деле готовы принять человека инонациональной общности 75,8% мигрантов, и их более чем на 10% меньше среди респондентов из местного населения; также можно отметить отличия в позициях мигрантов и местного населения в отношении индикатора «непосредственный начальник» – 69,9% и 59,6%, соответственно. Кроме того, среди мигрантов (80,5%), по сравнению с местным населением (72,3%), больше тех, кто готов принять человека другой национальности соседом по дому, квартире; по признакам «коллега по работе» (местные – 78,5% и мигранты – 81,9%) и «житель моей

республики» (местные – 79,6% и мигранты – 81,1%) отличия между двумя подгруппами минимальные.

В современном дагестанском обществе основной проблемой, порождаемой миграционными процессами, является нарушение сложившегося в течение длительного периода баланса полиэтничности республики, увеличение доли национальностей, которые исторически на этих территориях в большинстве не проживали. Кроме того, следует иметь в виду, что в Дагестане крупные городские поселения интенсивно начали формироваться в послереволюционный период. Следовательно, у дагестанских народов урбанизационные процессы сопровождались созданием большой маргинальной прослойки. При этом мигранты из горных районов республики подвергались социальной и личностной дезадаптации, ибо сталкивались с городской средой и культурой, которая существенно отличалась от их прежнего образа жизни [см.: 7, 8, 9]. Кроме того, в новых условиях у мигрантов возникает и языковая проблема – недостаточный уровень владения русским языком как языком межнационального общения являлся препятствием для реализации их потребностей практически во всех социальных сферах.

Характеристика и оценка миграционного потенциала, а также его подвижности, показывают динамику и направление перемещений людей, структуру миграционных потоков, установки и настроения мигрантов. При анализе факторов миграции нельзя упускать из поля зрения цель выезда за пределы республики, региона, района, потому что мигранты могут выезжать для трудоустройства, путешествий, учебы, замужества/женитьбы и т.д. Иными словами, миграционные намерения выступают своего рода лакмусовой бумажкой миграционной подвижности населения. Намерения молодого поколения на смену места жительства могут заметно

отличаться от позиций старших возрастных групп. При обозначении миграционных намерений мы учитываем такой важнейший фактор, как их временность. По причине актуальности установления миграционного поведения в нашем исследовании был задан следующий вопрос: «С какой целью Вы выехали бы за пределы Дагестана?», на который получены такие результаты: для 45,0% мотивацией выступает желание путешествовать, и больше всего таковых, по сравнению с другими этническими подгруппами, среди респондентов лакцев (56,5%), русских (52,9%) и лезгин (50,0%). Получение хорошего, качественного образования с большим отрывом располагается на втором месте (18,1%), и по этнической принадлежности на него указал каждый третий опрошенный среди лакцев, лезгин и даргинцев. На третьем месте находится вариант ответа «временно поработать, заработать деньги» (16,5% по всему массиву), разделяемый одной пятой частью опрошенных лакцев и лезгин, одной восьмой частью даргинцев, кумыков и русских. Четвертое место занимает суждение «для прохождения стажировки с целью повышения своей квалификации» (15,4%), и отметивших его, по сравнению с остальными этническими подмассивами, больше среди лакцев (каждый четвертый опрошенный) и лезгин (каждый пятый опрошенный). Далее, каждый девятый опрошенный по всему массиву высказался категорично – «я не хочу и не планирую покинуть свою республику», и таковых больше среди лезгин (каждый пятый опрошенный) и чеченцев (каждый шестой опрошенный). Таким образом, среди опрошенных дагестанцев доминирует позиция, ориентированная на путешествия/туризм. С большим отрывом от него располагаются намерения, направленные на получение хорошего и качественного образования, стажировки для повышения своей квалификации, временного трудоустройства, а также

для участия в программах культурного обмена. Если посмотреть на результаты исследования по социально-демографическим признакам, то с возрастом уменьшается доля с миграционным намерением путешествовать: 57,1% – «до 20 лет», 47,7% – «от 20 до 30 лет», 47,1% – «от 30 до 40 лет», 42,9% – «от 40 до 50 лет», 32,6% – «от 50 до 60 лет» и 28,6% – «от 60 лет и выше»; респонденты с более высоким образовательным статусом хотели бы путешествовать: 23,1% – с базовым средним, 49,0% – средним специальным, 42,6% – высшим, 51,1% – средним образованием. С возрастом увеличивается число лиц, ориентированных на временное трудоустройство с целью заработать деньги: 15,4% – «от 20 до 30 лет», 17,4% – «от 30 до 40 лет», 17,6% – «от 40 до 50 лет», 20,6% – «от 50 до 60 лет» и 21,4% – «от 60 лет и выше», и меньше всего их в подгруппе «до 20 лет» (8,6%). Данное суждение разделяют 13,3% опрошенных со средним, 14,9% высшим, 23,1% базовым средним и 22,4% средним специальным образованием. При этом молодая подгруппа респондентов «до 20 лет» хочет «получить хорошее образование» (25,7%), 24,6% – «от 20 до 30 лет», 46,2% – с базовым средним, 20,0% – средним, 17,6% – высшим и 12,2% – средним специальным образованием, хотя и более старшее поколение также отметили данный вариант ответа (20,6% – «от 30 до 40 лет»). По сравнению с другими подгруппами, каждый четвертый опрошенный в возрасте «от 40 до 50 лет» и 19,6% имеющих высшее образование стремятся повысить уровень своей квалификации. Доля таковых в остальных возрастных подгруппах и имеющих более низкий образовательный статус составляет менее 20%. Также обращает на себя внимание суждение «я не хочу и не планирую покинуть свою республику», где доля отметивших его увеличивается с возрастом: с 0% в разрезе «до 20 лет», 9,2% – «от 20 до 30 лет», 7,9% – «от 30 до 40 лет», 13,0%

– «от 40 до 50 лет», 23,5% – «от 50 до 60 лет» до 28,6% – «от 60 лет и выше». Участие в программах культурного обмена важно для 6,1% опрошенных с высшим образованием. Таким образом, проведенный анализ показывает, что различным возрастным категориям, а также имеющим различный образовательный статус респондентам характерны несовпадающие намерения для миграции из Дагестана. Имеет место и предположение, что интенсивные миграционные установки свойственны материально обеспеченным категориям населения, несемейным, бездетным, неудовлетворенным социально-экономической и политической ситуацией в России в целом и в Дагестане в частности.

Не менее важным при исследовании миграционных процессов является установление причин переезда дагестанцев на новое место жительства, поэтому им был задан вопрос «Каковы причины Вашего переезда на новое место жительства?». Результаты нашего исследования показывают, что одной из причин переезда на новое место жительства для дагестанцев является «отсутствие работы на прежнем месте проживания» (20,9% по всему массиву). С ростом образовательного статуса увеличивается доля придерживающихся данной позиции: 15,6% – со средним, 25,8% – средним специальным, 22,0% – высшим образованием. На «низкую заработную плату на прежнем месте проживания» указывает каждый пятый опрошенный по всему массиву. Далее «отсутствие перспектив карьерного роста на прежнем месте проживания» отмечает наибольшая доля респондентов-аварцев (каждый пятый опрошенный) и лакцев (каждый седьмой опрошенный), по признаку образования их больше среди имеющих высшее образование (23,7%); каждый восьмой опрошенный по всему массиву и 21,9% со средним специальным образованием подчеркивают суждение «низкое материальное

благополучие семьи на прежнем месте проживания». Остальные позиции отметили менее 10% опрошенных. При этом респонденты-женщины в свободной графе дописывали, что перемена ими места проживания обусловлена изменениями в их личной жизни, в частности вступлением в брак. Таким образом, одним из существенных факторов, вынуждающих мигрантов переехать в другое место, как правило, является социально-экономическое положение и стремление его улучшить.

Выявление отношения местного населения к мигрантам предполагает изучение и поведения самого местного населения, наличия/отсутствия у данной категории планов на перемену места жительства, поэтому им был задан вопрос «Хотели бы Вы уехать за пределы Дагестана на постоянное жительство?». Полученные эмпирические данные показывают, что 45,8% опрошенных по всему массиву не собираются навсегда покинуть республику. По этнической принадлежности данной позиции придерживаются 67,6% респондентов-чеченцев, 54,2% аварцев, 43,5% лакцев, 39,1% кумыков, 26,7% даргинцев и 23,5% русских. Утвердительно на данный вопрос ответили 24,6% опрошенных по всему массиву, по этнической принадлежности – одна вторая часть русских, каждый третий среди даргинцев, кумыков и лакцев, каждый четвертый среди лезгин, и меньше всего таковых среди чеченского населения (каждый пятый опрошенный). Обращает на себя внимание позиция русского населения республики, которое ориентировано на перемену места жительства как в настоящее время, так и в ближайшем будущем. По сравнению с другими дагестанскими народами, среди них меньше всего отметивших суждение «нет» и больше указавших «скорее всего, перееду, но не сейчас» (11,8%), против 9,7% аварцев, 6,7% даргинцев, 5,4% чеченцев, 4,3% лакцев и 2,9% лезгин, хотя аналогичной

с русскими респондентами позиции придерживаются 13,0% опрошенных кумыков. В массив попали респонденты-русские, проживающие в Кизлярском районе, где довольно сложная межнациональная, социально-экономическая ситуация, а также городское русское население. Как известно, русские в Дагестане испытывали серьезные проблемы в 90-х гг. прошлого века, отголоски которых ощущаются и по настоящее время.

Не меньший интерес в исследовании представляет этническое поведение внутренних мигрантов-дагестанцев. С целью получения информации о дальнейших планах внутренних мигрантов-дагестанцев им был задан тот же самый вопрос «Хотели бы Вы уехать за пределы Дагестана на постоянное жительство?». По результатам нашего исследования каждый второй опрошенный по всему массиву, а также среди кумыков и лезгин, большая часть аварцев и лакцев, каждый третий среди даргинцев и русских не намерены покинуть республику; каждый пятый опрошенный по всему массиву, а такая же доля аварцев и даргинцев, каждый третий среди кумыков и табасаранцев, каждый четвертый среди лезгин утвердительно ответили на этот вопрос. На отсутствие материальных средств для переезда, при наличии такого желания, указал каждый пятый опрошенный среди лакцев, планирует в более поздний период покинуть Дагестан каждый шестой опрошенный среди русских. Полученные результаты нашего эмпирического исследования свидетельствуют о сложных миграционных процессах в современном дагестанском обществе, усугубляющихся неудовлетворенностью внутренних мигрантов-дагестанцев, которые в силу объективных факторов вынуждены покинуть прежнее место своего проживания, и этническим самочувствием местного населения,

ориентированного на переезд на новое место жительства.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что масштабная и неконтролируемая миграция из горных районов Дагестана на равнинные территории породила негативные процессы в экономике и политике региона. В условиях становления рыночной экономики данный фактор привел к усилению нестабильности и поставил экономические и межнациональные процессы в прямую зависимость друг от друга, что ярко проявляется в полинациональных административных образованиях республики. Конфликтность проблемы адаптации переселенцев усугубляется вялостью процесса их приспособления к экономическим и социальным условиям проживания. Кроме того, в изначальной ориентированности местного населения на неприятие мигрантов потенциально заложен конфликтный механизм. Если мигранты-дагестанцы в инокультурной среде сталкиваются с этнокультурными различиями и спецификой,

глубокими социокультурными различиями, включая поведенческие стереотипы, экономические ориентации, жизненные ценности, то внутри республики такие факторы практически отсутствуют, может быть, за исключением территорий проживания русского населения, исповедующего иное вероучение.

Наблюдающийся в современном российском обществе социально-экономический кризис, неудовлетворенность подавляющей части населения своим материальным положением, заметное сокращение реальной заработной платы у работников, занятых в государственном и предпринимательском секторах экономики, играют заметную роль в росте миграционных настроений. Более того, авторы предполагают, что если дагестанцы имели бы возможности для переезда в экономически развитые западные страны, то они попытались бы этим воспользоваться. Языковой барьер и ряд других факторов, видимо, являются препятствием на пути их миграции уже из России.

Примечания:

1. Габдрахманова Г.Ф. Этничность и миграция: становление исследовательских подходов в отечественной этносоциологии // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 116-122.

2. Зорин В. Российская Федерация: проблемы формирования культуры межнационального общения // Формирование культуры межнационального общения на Дону: опыт и проблемы. Ростов н/Д, 2002. С. 26-29.

3. Петров Р.В. Миграционные процессы в контексте национальной безопасности на Юге России // Технологии мира на Юге России и Кавказе: материалы междунар. конф. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2016. С. 85-89.

4. Фактор межэтнической напряженности на Юге России в экспертных оценках / С.А. Ляушева, Р.Д. Хунагов, З.А. Жаде, А.Ю. Шадже // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19, № 3. С. 104-114.

5. Ляушева С.А., Хот З.З. К вопросу о социокультурной интеграции мигрантов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. Вып. 4 (108). С. 170-176.

References:

1. Gabdrakhmanova G.F. Ethnicity and migration: the formation of research approaches in domestic ethnosociology // Sociological Studies. 2007. No. 1. P. 116-122.

2. Zorin V. The Russian Federation: problems of the formation of the culture of interethnic communication // Formation of the Culture of Interethnic communication on the Don: Experience and Problems. Rostov-on-Don, 2002. P. 26-29.

3. Petrov R.V. Migration processes in the context of national security in the South of Russia // Technologies of peace in the South of Russia and the Caucasus: materials of the international conf. Rostov-on-Don: Fund for Science and Education, 2016. P. 85-89.

4. Ethnic tensions in the South of Russia in the opinions of experts / S.A. Lyausheva, R.D. Khunagov, Z.A. Zhade, A.Yu. Shadzhe // Central Asia and the Caucasus. 2016. Vol. 19, No. 3. P. 104-114.

5. Lyausheva S.A., Khot Z.Z. On socio-cultural integration of migrants // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Region studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies. 2012. Iss. 4 (108). P. 170-176.